

Когда мы вышли из леса и увидели лагерь с холма, я не сразу узнал его. Ровные ряды палаток словно раздвинулись в разные стороны невидимой рукой, образовав в середине большое пустое пространство в виде круга. По периметру круга появилось невысокое хлипкое ограждение. Похоже было то ли на загон для скота, то ли на манеж. Позже, когда мы подошли поближе, я понял, что это примитивные трибуны – скамейки в три яруса на вбитых в землю столбиках. С той стороны круга, которая была ближе всего к Стене, тянулись кухонные костры. Там тоже были трибуны, но не сплошные: имелись проходы, чтобы можно было перемещаться от котлов к церемониальной площадке (я был уверен, что круг предназначен именно для этого), получая, таким образом, все удовольствия праздника. Когда мы подходили, зрители уже начали потихоньку заполнять сидения.

Расположение палаток теперь полностью поменялось, и я теперь ни за что бы не нашел ту, где спал. Когда они только успели? К счастью, здешние непрерывные передвижения научили меня нигде не оставлять свой маленький рюкзачок, и он всегда был при мне. Мет и Абий быстро попрощались и куда-то исчезли. Не зная, куда себя девать, я бесцельно побродил по лагерю, потом подошел к костру. Аппетитные запахи, так непохожие на местную спартанскую кухню, говорили о том, что праздничное угощение готово. Дети и подростки суетились над котлами, нанося последние штрихи своих кулинарных произведений. Но никто ничего не ел - видимо, сначала надлежало исполнить торжественную часть. Я заметил, что со мной около костра сидят только дети и пожилые. Вся дееспособная часть лагеря уже переместилась на трибуны. С моего места уже не было видно центрального круга: он скрылся за плотно прижатыми друг к другу серыми спинами.

Я почувствовал на себе чей-то взгляд и повернулся. На бревне среди маленьких детей сидел, как черный воробей, Теше. Я кивнул, и он, к моему удивлению, встал и пересел рядом со мной.

- Быстро же вы соорудили эти помосты, - начал я, сочтя, что старик хочет поговорить.

- Тут особо труда не надо. А почему вы не там, а здесь? - спросил он. - Скоро начнется свадьба. Все рабочие будут праздновать. Сидят только дети и старики.

Я замялся.

- Лучше я отсюда посмотрю. Или на холм схожу. Гм, я думал, это ваша тайный обряд, в котором посторонним нельзя участвовать. Кстати, а вы не видели моих спутников?

- Они все уже там.

Я удивился. Ну, раз они там, то и мне, наверное, можно. Я поднялся и направился к трибунам. Правда, внутрь зайти я постеснялся, и пошел с наружной стороны круга, надеясь найти свободное местечко в заднем ряду. Но зрители сидели так плотно, что нигде не было ни щелочки. Судя по тишине, церемония еще не началась, а сабиняне, как всегда, были молчаливы. Некоторые все же предпочитали смотреть издали: пара десятков человек взгромоздились, как птицы на насесты, на маленькие выступы Стены. Над ними был еще один зрительский «ярус» - крыша Стены. Оттуда вниз глядели солдаты, неподвижные, как изваяния. Раз они спокойны, значит, «комиссия» до нас еще не добралась, подумал я. Во всяком случае, шума с той стороны не доносилось.

Я прошел почти половину круга, но так и не нашел места, куда бы втиснуться, и повернул назад. Может, мне тоже устроиться на насесте? Вдруг я услышал знакомый голос.

- Эй, иди сюда! - звали меня из-за спин. - Тут тебе местечко приготовлено!

Ержи! Где это он спрятался? Люди в верхнем ряду подвинулись, и появился узкий проход, откуда выглядывали Ержи и Йоки. Помешкав, я вскарабкался на трибуну. Оказывается, за неприступными спинами было полно моих знакомых. Мне улыбались и услужливо отодвигались, чтобы помочь пройти.

- Быстрее! Что ты там застрял? - шепотом повторял Ержи.

Окруженная трибунами площадка была абсолютно пуста, но почему-то никто не решался говорить в голос. Наконец, я продрался в самый низ, к Ержи.

- Тут все продумано, - говорил он, протягивая мне руку. - У каждого тут - свое место, и каждый его без слов находит. Нам, правда, товарищи помогли.

- Гм, а где же...

Место, о котором он говорил, имело нулевую площадь. Впритык к Ержи слева сидел Марк, за ним - Марино, а того прижимали Ченг и Мария. Справа помещались Йоки и Тим.

- А может, тебе попробовать поместиться в заднем ряду? - озабоченно начал Ченг. - Здесь нам действительно совершенно некуда двигаться!

- Нет! - оборвал его Ержи. - Раз его место здесь, значит - будет сидеть здесь.

Я удивленно посмотрел на него. С утра он явно приободрился, и даже приобрел командные интонации, которых раньше не было. Ченг открыл было рот, чтобы возразить, но тут Йоки с Тимом одновременно подвинулись, почти вжавшись в своих соседей. Ержи, в свою очередь, навалился на Марка; тот охнул, но зато на свет показался маленький кусочек скамьи, куда я тут же и втиснулся.

- При всем уважении, но откуда вы взяли, что его место именно здесь? - продолжал ворчать Ченг, но его уже не слушали.

- Помнишь, ты хотел поглядеть на сабинянскую свадьбу? - зашептал мне Ержи. - Смотри, сейчас начнется!

Поле, окруженное зрительским кольцом, по-прежнему оставалось пустым. В ожидании я принялся рассматривать наших соседей. И правда, это была целая выставка местного взрослого населения. Рубахи, обмотки, бусы, косички. Мужчины, женщины, молодые и постарше, красивые и не очень - все терпеливо ожидали этого «скоро начнется», и лишь изредка обменивались коротким шепотком. На дальней стороне круга лиц уже было не различить; но в первом ряду, судя по длине одежд, сидели женщины. У одной, кажется, на солнце поблескивали рыжие волосы. Уж не Ру ли это? Тот-то Ержи то и дело украдкой смотрит туда! А вот та, неподалеку от нее - вдруг это Меб? Она высокая, на полголовы выше других. Вот она склонилась к своей соседке. Может, тоже заметила нас?

Тем временем мои спутники начали терять терпение.

- Их спокойствие, конечно, прекрасно и поучительно. Но если просидеть так целый день, то бракосочетание не состоится! А как же создание семей, рождение детей? - притворно шутил Ченг.

Марк нервно ерзал на сидении.

- Прошу прощения, но в этой давке у меня уже ноги онемели. Если спектакль еще затянется, придется мне вас покинуть!

Вдруг ряды зашевелились. В толпе замелькали какие-то предметы: их передавали с задних рядов передним. Странно, похоже на...

- А вот и музыка, - усмехнулся Марино.

И правда, это были музыкальные инструменты! Один из них оказался рядом с нами, в руках у коренастого мужчины лет сорока. За всю экскурсию мы не видели в Сабинянии ничего, что могло бы издавать звуки, и не слышали ни единой мелодии, поэтому сейчас с интересом вытянули шеи, рассматривая это устройство. Оно было похоже на что-то среднее между гитарой и мандолиной: дека была круглая, но без выпуклой задней стенки. Вместе нее была грубо приколочена доска. Вообще инструмент был сработан настолько примитивно, что я засомневался, способен ли он произвести что-то приятное. Однако же обладатель уверенным движением подхватил его, обняв левой рукой гриф и положив правую на струны, и приготовился играть. Струн было, кажется, шесть. Эта протогитара была не одинока: только в первом ряду я насчитал таких пару десятков. Кроме них, виднелись разнокалиберные то ли дудки, то ли свирели. Они лучше коррелировали с представлением о традиционных инструментах, нежели гитара. Хотя в последнее время я узнал о сабинянах столько нового, что не удивился бы, возникни сейчас на поляне даже орган. Правда, собрать его даже сабинянскому гению было бы не под силу. Зато естественно смотрелась волынка, которую получил высокий парень, сосед Марии. Я всматривался в противоположный конец поля: у предполагаемой Ру в руках было что-то маленькое, наверное, дудка, а у предполагаемой Меб – большое. Должно быть, гитара. Послышались первые нестройные звуки, которые вскоре превратились в громкую какофонию. Настройка оркестра в театре в сравнении с этим показалась мне довольно-таки гармоничными звуками. Видимо, потому, что я оказался в самом эпицентре.

- Мы на свадьбе или на репетиции кружка народных инструментов? – Марино сделал комичное лицо.

- А крестьяне-то на поверку оказались профессиональными музыкантами, - подхватил Марк.

- Хорошо еще, что нас не записали в оркестранты... - начал Ержи, но прервался, потому что его сверху хлопнули по плечу.

Мы обернулись, и с изумлением увидели небольшой, обтянутый кожей барабан, который наш сосед сзади пытался с улыбкой всучить Ержи.

- Погоди, приятель... Да ты что, я и барабанить-то не умею! Ну честно, мне нельзя, я вам весь концерт испорчу...

- Берите-берите, у вас получится, - как ребенка, убеждал его сабинянин. – У всех получается...

- Пойми, у меня нет чувства ритма...

- Не беспокойтесь, ваши руки сами будут за вас играть. Вам не потребуется в этом участвовать!

Ержи недоуменно принял барабан, продолжая протестующее бормотать. Тут я увидел, что точно такой же барабан спускают сверху на колени Йоки. Она не решилась сопротивляться, но Тим все же попробовал прийти на помощь:

- Э-э, давайте лучше мне. Я один раз барабанил... на школьной вечеринке.

- Нет-нет, должна именно она, - возражала женщина сверху. - Этот инструмент - специально для Йоки!

- Иногда мне кажется, что они все-таки потешаются над нами, - сказал мне Ержи на ухо. - Что это все не всерьез. Ну, эксперимент, что ли, какой-то ставят.

Я пожал плечами, и тут же вздрогнул: сзади мне в плечо вежливо тыкали чем-то твердым. Предчувствуя, в чем дело, я смиренно повернулся и обомлел: мне совали гитару!

- Но я точно не умею! Вообще никогда в руках не держал! - Я привстал, пытаюсь найти глазами главного распорядителя инструментов. Но никого похожего там не было, лишь одинаково дружелюбные лица. - Ну, если так уж нужно, дайте мне барабан! Но только не гитару...

Ержи, который уже свыкся со своей участью, решил проявить великодушие:

- Я это... я знаю несколько аккордов. Если скажете, что брэнчать, я могу попробовать. А он пусть возьмет барабан!

- Гитара - для тебя. Барабан - для него, - с лаконичной рассудительностью представительницы индейского племени высказалась девушка с заднего ряда.

«Ладно, если так угодно Сабине, буду позориться», - ехидно подумал я. Ержи тоже решил не спорить.

- Ты трогай струны чуть-чуть. А я буду делать вид, что бью по барабану, - посоветовал он мне, когда мы оба неловко водрузили непривычные предметы на колени и закинули ремни за шею. - Тут и без нас виртуозов хватает. Сейчас такой гвалт поднимется, что нас никто не услышит.

В самом деле - инструменты теперь были почти у каждого третьего. Ни за что бы не подумал, что так много сабинян умеют играть. Тем более, что ни разу не замечал их за занятиями музыкой. Так что на особый исполнительский профессионализм надеяться не приходилось. Видимо, Ержи прав - мы услышим страшный грохот, в котором потонут наши неумелые попытки. По поляне еще несколько минут плыла мешанина из звуков настройки. Потом все разом стихло. Повисла напряженная тишина. И вдруг... она прорвалась тоненьким ручейком флейты. От неожиданности чуть не выронил свою протогитару - к счастью, она удержалась на ремне. Ибо это была нежная, чудесная музыка, слаще которой, кажется, я никогда раньше не слышал! Мелодия была вроде бы самая обыкновенная, которую ждешь от так называемого «этнического стиля», но при этом - новая, с какой-то чуть-чуть другой комбинацией тонов и ритмов. И это небольшое отклонение заставляло заворожено слушать, вбирая, вдыхая в себя каждую ноту. Хотя я слышал ее в первый раз, я чувствовал, что это и есть та самая настоящая, главная музыка, мелодия из мелодий, где каждый звук находился на своем месте, определенном для нее кем-то высшим. Незаметно в первый ручеек влились другие, превратив ее в маленькую речку. Сначала это тоже были флейты, поддерживавшие главную тему новыми извивами. Следом осторожно присоединились, как звенящие на солнце капли, гитарные переборы. И опять это было что-то знакомое, и в то же время совершенно новое; я уверен, что никогда не слышал таких гармоний, но они звучали уместно и правильно, словно уши всю жизнь ждали только их. Постепенно пространство заволочлось, плотной пеленой музыки. Вступающие друг за другом инструменты умело находили оставшиеся лакуны в ткани, и встраивались со своими нотами именно там, где это требовалось. Казалось, что совершенство достигнуто, и не может быть музыки лучше; но нет, уже через несколько минут она становилась еще сильнее и полней, и я понимал - вот оно, истинное совершенство! С восторгом

я встречал каждую ступень этого чуда, забывая, наверное, даже дышать. И вот напряжение достигло кульминации – вступили барабаны. Сначала мелкой дробью застучали маленькие. Потом добавились средние и, наконец, большие. Их удары были как стуки сердца, гнавшего по телу бурлящую кровь. Тут уже нельзя было усидеть на месте! Я заметил, что в дальнем конце поляны на траву ступили первые танцоры. Некоторые из них продолжали играть на инструментах; это ничуть им не мешало. Они двинулись ручейком друг за другом в сторону центра, ритмично подпрыгивая и кружась вокруг своей оси. Навстречу, с противоположной части трибун, потек другой ручеек. За ним появился третий, четвертый и пятый. Подобно лучам, они стремились сойтись в центре круга. Но, стоило мне подумать, что сейчас они столкнутся, как головные части ручейков начали плавно изгибаться, а затем – мягко пересекаться и сплетаться. Не прошло и минуты, как почти все толпа спустилась в круг. Можно было бы подумать, что танцоры движутся хаотически. Но на самом деле они шли четко друг за другом, ни на минуту не теряя спины товарища. Длинные, в несколько десятков метров цепочки, извиваясь, нигде не разрывались. Музыка и прежде постепенно ускорялась, а теперь, с добавлением барабанов, превратилась в стремительный танец. Я оглянулся по сторонам: вокруг почти никого не осталось, кроме товарищей-экскурсантов. Мимо нас тек очередной ручеек; он закончился, хлестнул хвостом по сиденьям и – подхватил с собой Ержи! Я не успел ничего сказать, потому что мои ноги вдруг сами собой поднялись и потащили меня следом. За мной, я знал, повскакали с мест остальные: танец, словно магнит, увлекал всех за собой. Ержи впереди меня скакал, ритмично размахивая руками над своим барабанчиком. «Он играет?» – подумал я, хотя не особенно удивился. Следом я перевел взгляд на свои руки и увидел, что правая дергает струны, а левая зажимает лады! «Как странно», – только и мог сообразить я. Это было невероятно – я играл вместе со всеми, хотя никогда раньше этого не умел! Чудо было настолько убедительным и естественным, что я не стал задавать себе вопросы, как это мне удастся. Руки отчего-то знали, как надо играть. Вокруг лилась, бурлила, закручивалась водоворотами дивная музыка сфер, и я был ее частью. Вскоре к мелодии стали добавляться слова; танцоры запели, и их голоса были так чисты и красивы, что напоминали ангельские. Немного погодя я понял, что и сам пою вместе с ними! Бессознательно, ни о чем не задумываясь, я произносил нужные слова и брал нужные ноты. Если бы меня потом спросили, о чем была эта песня, я ни бы за что не смог ответить. Просто мне было светло и радостно, как никогда прежде.

Перед глазами мелькали лица и руки, все плыло в головокружительном хороводе. Однако я не терял равновесия; наоборот, все мои чувства обострились, и я твердо стоял на ногах. Я точно знал, куда следующим шагом ступит моя нога. Более того, как мне казалось, я чувствовал одновременно каждого из тысячи танцующих, как чувствует свою команду профессиональный футболист. Не знаю, долго ли продолжалось это сладостное наваждение, но вдруг мне пришло в голову, что пора бы и начать брачную церемонию. И тут же, словно все только и ждали моей мысли, в толпе произошло новое движение. Не прекращая ритмично подпрыгивать, танцоры отступили к краям площадки, образовав широкий круг. Не теряя времени, в центр круга высыпали молодые мужчины. Таким манером у нас выходят танцевать солисты. Но этих было слишком много для солистов. Они прыгали, кувыркались в воздухе, выполняли какие-то немыслимые акробатические номера. Все это сопровождалось новой песней, исполняемой теперь исключительно мужскими голосами. Неистово звучали барабаны; я чувствовал, как руки Ержи от бешеной дроби покрываются мозолями. И в то же время я знал, что ему не больно, что он забыл, что значит боль. Мои пальцы тоже были стертые в кровь, но я лишь равнодушно фиксировал это, как показания термометра. Наконец, мужской танец закончился, и вместо парней на поляну выбежали девушки. Они сразу же встали в несколько колец, одно внутри другого, и закружились. При этом они успевали еще и вращаться вокруг себя, притопывать и взмахивать руками. На лицах не отражалось ни напряжения, ни усталости – лишь умиротворенные улыбки. Все это сопровождала новая, женская песня. Я тут же решил,

что ее мелодия прекрасней всего, что я слышал до этого, и даже того, что было пять минут назад. Казалось, я знал ее давным-давно, только почему-то забыл, а теперь вспомнил и с наслаждением подпевал. На полпути в женскую песню снова влилась мужская, словно в спокойную реку ворвался бурный горный водопад. Между девичьими хороводами втиснулись вереницы мужчин. Они помчались по кругу в противоход девушкам. Танцоры бежали все быстрее и быстрее, и вдруг - остановились, как вкопанные, причем каждый из мужчин оказался точно напротив девушки. Начался новый танец, а с ним - новая песня. Теперь пары синхронно подскакивали, как в ирландских танцах. Закончился куплет - и пары вмиг распались, и вновь начался бег хороводных колец. Начался новый куплет - и танцоры снова запрыгали друг против друга, только теперь судьба подарила им других партнеров.

Я рассказываю все это ладно, шаг за шагом, хотя для меня празднество слилось в один ослепительный миг. В какой-то момент упорядоченное движение смешалось. Танцоры побежали в разные стороны: женщины - в одну, мужчины - в другую. Однако порядок вскоре вернулся: те и другие быстро выстроились в две длинные шеренги лицом друг к другу. Между нами остался проход метров, наверное, в тридцать. Мы стояли, громко притопывая ногами и хлопая в ладоши. Инструменты болтались на ремнях за спиной. Лица перед собой я видел плохо, и из этого делаю вывод, что к тому времени уже стало смеркаться. Значит, танцы продолжались гораздо дольше, чем я думал... Ну да ладно, я сейчас не об том. Хлопки и топот ног нарастали. Сердце билось все сильнее. И вдруг на этот мощный аккомпанемент наложился одинокий мужской голос. Снова мне приходится повторить, что ничего прекраснее я в жизни не слышивал, ни до, ни после. Чудесной была не только новая песня, но и голос певца. Он был сильным, резким, но в то же время глубоким и певучим. Должно быть, это был тенор, но иногда мелодия в его устах падала куда-то глубоко вниз, словно разыскивая что-то в потаенных пещерах звука, а после резко взмывала в поднебесье, как птица. После первых путешествий вверх-вниз солисту начали подпевать, точно он был исследователем, указующим путь остальным. Я сразу догадался, кто это. Вскоре в дальнем конце проходе взметнулись светлые хвосты, а следом показался и их владелец. Эгр бежал вприпрыжку, и можно было лишь удивиться, как он ухитряется при этом еще и петь. За ним, силясь догнать его и на беговой дистанции, и в вокальном искусстве, спешили последователи. Среди них я узнал Чита и Гора. Все они старались подпрыгивать как можно выше; многие делали в прыжке пируэт. Эгр даже крутанул сальто. И все это время песня не прерывалась. Как только мимо пробежал последний танцор, во мне что-то переключилось, и я, как и другие, без памяти бросился вперед - навстречу женской шеренге. А женщины побежали к нам. Встретившись посередине, мы схватили друг друга за руки и бешено закружили. Все длилось не более секунды. Потом объятия разорвались, вытянутые пальцы и лица стали отступать, словно нас что-то тянуло в стороны. Пары бросились прочь друг от друга. Запыхавшись, мужчины перебежали на те позиции, где прежде стояли женщины, а женщины заняли наши места. Снова между нами был широкий проход; мы снова запели, захлопали и затопали ногами. Снова из хора выделился волшебный голос Эгра, и снова он, как потустороннее существо, вихрем промчался вдоль людского коридора, сопровождаемый своими подручными. Как только проход освободился, мы снова кинулись друг другу навстречу. Теперь объятия были еще жарче, прикосновения - еще нежнее. Но они снова были недолгими. Пение Эгра служило сигналом: заслышав его, мы опять разбегались в разные стороны. Певцы пролетали мимо нас, как огромные птицы, и мы снова на время получали возможность встретиться; они возвращались назад - и наши пары распадалась. Должно быть, это продолжалось довольно долго, и вечер успел смениться ночью, потому что в своих воспоминаниях я вижу сумерки и темные силуэты, пляшущие на фоне костров.

Мы снова разделились на две большие группы - мужскую и женскую - и встали очень плотно друг к другу. По рядам понеслась новая песня; увы, все, что я могу о ней сказать сейчас, это

снова то, что до этого не слышал ничего лучше. Я не запомнил ни единой мелодии, ни одного слова из того, что пел в тот вечер. Но в ту минуту я отчего-то знал, что пришел черед подведения женихов к невестам, и что сейчас нам надлежит посадить женихов себе на плечи. Я быстро оглянулся, и тут же рядом отыскался Мет, один из женихов. Не знаю, смог бы я один взгромоздиться на себя Мету, но поблизости случился мой старый знакомый Сот. Вместе мы помогли ему взобраться. Он встал ногами сразу на оба наших сдвинутых плеча, а равновесие удержал с помощью длинных палок, которые невесты откуда взялись в толпе: их протянули ему с двух сторон еще двое помощников. Сейчас подобный акробатический этюд показался бы мне сложным и опасным, но тогда мы исполнили его легко и беззаботно, как будто все пятером были одним человеком. Рядом точно так же поднимали наверх других женихов. Я снова увидел Эгра: он подставлял плечо под ногу еще одному низенькому сабинянину. Второй поддержкой был Гор. Он был немного выше Эгра, и жениху пришлось присогнуть правую ногу, опиравшуюся на горово плечо. Тем временем в женской группе напротив нас стали точно так же вырастать над головами фигуры невест. Правда, их держали не подружки (хотя в тот момент меня бы это не удивило), а подросшие носильщики из числа мужчин.

Возвышающиеся над толпой женихи и невесты стояли неподвижно, чтобы не потерять равновесие, и были похожи на статуи в языческом храме. Впрочем, это сравнение пришло мне в голову лишь сейчас. Тогда так не думал. Каждое действие той удивительной пантомимы казалось мне естественным, оправданным и, более того, единственно возможным. Звучавшие в ушах (и исполняемые мной самим) песни казались мне эталоном музыки, а наши движения – лучшим в мире танцем. А что касается брачного обряда, то он не только не был странным, но наоборот, я бы очень удивился, если бы мне тогда сказали, что церемония должна выглядеть как-то по-другому.

Сейчас я перехожу к самой главной части моего рассказа. Началось с того, что в тот вечер мне в первый и последний раз удалось взлететь. Это было как в тот раз несколько дней назад, когда я вышел из своего тела и переместился к женскому дому, где меня увидела Меб. Теперь я поднялся над головами (в том числе и своей) и завис так, что мне стала видна вся праздничная поляна. Это было чудесно. Подо мной светилось огоньками ламп кольцо трибун. Внутри него была в ладоши толпа сабинян, державшая на плечах своих новобрачных. Над кольцом громоздилась Стена, и я видел молчаливых солдат на крыше. Я взмыл еще выше, и огненный круг стал совсем маленьким, как обручальное колечко. Подобно крупным драгоценным камням, его увенчивали светящиеся пятнышки костров. Палаток я уже не видел. Лагерь с такой высоты казался маленькой проплешиной, окруженной со всех сторон меховой шубой леса. Через этот лес широкой лентой тянулась крыша Стены, делившая мир надвое. Ее тоже украшали маленькие золотые бусинки – факелы, зажженные вдоль парапета. К северу от нее, где лежал «внешний мир», лес начинал редеть, и очень далеко в ночном воздухе трепыхались электрические огни какого-то поселения. Я уже собрался было возвращаться назад, как заметил на внешней стороне, у самого подножия Стены, новую россыпь огней – на сей раз это были электрические фонари. Они перемещались и, судя по всему, там было много людей. Интересно, кто это? Туристы или враги? И почему охрана не обращает на них внимания? Я подался назад и снова завис над сабинянским лесом. И тут меня обдало холодом. Там, среди темной листвы, тоже что-то поблескивало! Нет, это не фонари, скорее... Боги, это же шлемы! Там, внизу – люди в форме! Их много, и это точно не сабиняне! Вмиг, точно пикирующий сокол, я упал вниз и снова увидел себя рядом с товарищами. Мое тело по-прежнему механически притопывало левой ногой в такт с остальными – так легче было удержать равновесие. На правое плечо все так же давила ступня Мету. Они ничего не знают! Свободной левой рукой – правая поддерживала ногу жениха – я решительно постучал Эгра по спине.

- Эй, я видел в лесу людей! Это полицейские! Это вторжение!

Эгр оборвал песню на полуслове.

- Тише, успокойся, – быстро ответил он, не оборачиваясь. – Я тоже их видел. Ничего страшного.

- Как ничего страшного?! Ты понимаешь, что чужие вооруженные люди находятся внутри Стены! Наверняка они высадились на морском берегу и пришли за нами по пятам! Они хотят напасть!

- Но ведь пока не напали? Не волнуйся. Сейчас самое главное – завершить церемонию.

Его спокойствие ошарашило меня еще больше, чем зрелище спрятавшихся врагов.

- Какую церемонию? Ты в своем уме? Твоей стране угрожает опасность! В полукилометре отсюда засели бойцы с оружием. Что с тобой случилось? Раньше тебе достаточно было увидеть одного, чтобы хватать лук и стрелы. А сейчас их там несколько сотен, а ты продолжаешь спокойно стоять и хлопать!

- И что ты предлагаешь? – Гор тоже перестал петь и обернулся. – Напасть на несколько сотен бойцов, вооруженных карабинами? Понимаешь ли ты, что у нас нет сил на это?

Мне показалось, что я сплю. Внезапная перемена в настроении солдат была необъяснима. А может, это какой-то странный розыгрыш? Я растерянно хлопал глазами, продолжая, однако, автоматически повторять все движения соседей. Между тем в толпе зашевелились. Мет принялся спускаться вниз; то же самое делал и весь «ярус» женихов и невест. Спрыгнув на землю, они начали протискиваться в середину круга. Мы, наоборот, попятнулись назад, освобождая им пространство. Через пару минут застучали барабаны и начался новый танец. Теперь женихи и невесты, взявшись за руки, неслись по поляне двумя цепочками: парни гнались за девушками. Это было непросто, потому что расцепляться запрещалось. Направляющий мужской цепочки не мог просто бросить остальных, чтобы схватить за «хвост» убегающую вереницу женщин. Женская «голова», в свою очередь, описывала прихотливые изгибы, чтобы запутать преследователей. Все это сопровождалось самыми обыкновенными криками и взвизгами, которые характерны для подобных игр в нашем мире. Песня зрителей перешла в речитатив; они топали и хлопали все быстрее, пока, наконец, не дошли до полного исступления. Глаза были полузакрыты, головы запрокинуты. Казалось, стоит им перестать петь, как тут же все упадут замертво.

Но я больше не мог петь вместе со всеми. Из головы не выходило то, что я видел. Я нервно оглядывался, ожидая нападения. А может, я и вправду ошибся? Все в порядке, и в лесу никого нет?

Вдруг сквозь шум прорвался голос Ержи.

- Смотри, смотри! – Он повернулся спиной к танцующим и показывал рукой вглубь толпы.

Я всмотрелся и сразу понял, в чем дело. Позади нас стоял человек, не похожий на других. Одетый, как сабинянин, он не был одним из них. Он топал неловко, и хлопал невпопад.

- Это чужак! Шпион!

Я в страхе начал озираться, и тотчас увидел еще одного такого же. Он неуклюже топтался позади меня, внимательно оглядываясь вокруг.

- Их здесь много! Смотрите!

Это кричал Тим. Он был через пару человек правее меня. А рядом с ним сразу заметил еще одного пришлого.

- Эгр, Эгр! Сюда просочились шпионы! Они переоделись в сабинян!

Теперь уже кричал я. Но меня не было слышно сквозь смех и пение. Я жадно оглядывал толпу, надеясь, что где-то мелькнут светлые хвосты. Вот, кажется, он - в первом ряду, но далеко. Или это не он? В этот момент цепочка женихов разделила нас. Я закрыл глаза. «Эгр, Эгр, ну где же твоя телепатия? - в отчаянии проговорил я про себя. - Если ты вдруг ослеп и не видишь ничего вокруг, то хотя бы услышь меня!» Тут чья-то ладонь опустилась сзади мне на плечо.

- Все в порядке. Так и должно быть, - услышал я голос Эгра.

Я хотел повернуться, но не успел. Строй песни нарушили посторонние звуки. Еще секунда - и мы услышали рев винтов, и в черном небе над Стеной вспыхнула ослепительная летающая звезда. К ней присоединились еще несколько таких же, словно они самозарождались в темноте. Подобно стае огромных жужжащих насекомых, над поляной зависли вертолеты. Откуда они появились, почему мы не заметили их приближения? Звуки песни смолкли, танцоры замерли. Задрав головы, все немо смотрели в небо. Свет прожекторов превратил людей в белые изваяния. Лишь волосы и одежда трепыхалась на ветру. Однако никто не закричал, не бросился бежать: сабиняне глядели на чужаков в небе так, словно они были необходимым условием праздника - например, прибытием не самых любимых родственников.

Сквозь грохот винтов прорвался вой сирены. Вслед за ней включился громкоговоритель.

- Не волнуйтесь, мы не причиним вам вреда! - гулко донеслось из вышины. - Мы просим вас не мешать осуществлению гуманитарной миссии. У нас есть сведения, что у многих ваших детей есть проблемы со здоровьем. Наши врачи осмотрят их, и мы уйдем, обещаем!

Толпа не шевелилась и не издавала звуков. Вдруг в полной тишине где-то на периферии круга промелькнула белая черточка. Кажется, перед этим я видел там силуэт человека, натягивающего лук... Черточка скользнула вверх, утонула в сиянии прожекторов, и в следующее мгновение наверху началась сумятица. Световой конус дернулся, и мы увидели тяжелый профиль вертолета, который до этого был скрыт. Должно быть, стрела попала в кабину. Продолжая работать винтом, машина накренилась, пошла на снижение к лесу и вдруг, задев верхушки деревьев, грузно рухнула в чащу зарослей. На все это потребовалось не более нескольких секунд - я едва успел судорожно вздохнуть. Вертолет упал вниз, а обратно вверх вылетел столб оранжевого пламени и грохот взрыва. И только после этого по поляне застрекотали выстрелы. Но не сверху, нет: другие вертолеты сразу после краха товарища предусмотрительно скакнули в разные стороны и зависли вне досягаемости стрел. Выстрелы неслись из нашего тыла, из леса! В считанные минуты лагерь окружился цепочкой холодных голубых огоньков. Потом я понял, что это были фонарики на касках полицейских. Стреляя в воздух, они бежали к танцевальному кругу. Навстречу им радиальными линиями понеслись стрелы, и они разили отнюдь не в воздух. Я до сих пор не понимаю, откуда у наших солдат в руках оказались луки и колчаны, ведь во время танцев я ничего такого не видел. Цепочка голубых огоньков приблизилась к трибунам, остановилась и упала на землю, после чего сразу погасла: должно быть, полицейские поняли, что служат в темноте отличной мишенью. Зато теперь, когда они залегли за палатками и другими укрытиями, наши их не видели.

- Прекратить стрельбу! - послышалось из громкоговорителя со стороны цепочек. - По вашей вине могут пострадать невинные люди! Вы всю жизнь держали их в рабстве, а теперь готовы убить ради ваших извращенных идей!

Они подошли с моря! Это было ясно. Как нелепо – мы оставили береговые стойбища без прикрытия, и враг пришел к нам, как к себе домой... Оглянувшись по сторонам, я увидел, что толпа рассеялась. Я сидел на земле, прикрывая от страха голову; рядом в той же позе был Ержи. Сабиняне спешно покидали танцевальную поляну. Огибая костры, они бежали к Стене, чья громада в темноте почти сливалась с небом. Но убежали не все: по периметру трибун появились лучники, и я слышал свист выпускаемых стрел. Поляна была озарена отсветами прожекторов, похожих на луну, которая вдруг распалась на части и светила с разных сторон. В этом почти лунном свете я увидел в нескольких метрах от себя несколько бугорков; по их шевелению я догадался, что это наши экскурсанты.

- Не стреляйте! – продолжал увещевать голос. – У нас преимущество! Мы не хотим убивать вас. Просто позвольте нашим врачам осмотреть детей!

В ответ послышался сухой треск стрел, словно в огромный костер бросили кучу хвои, и она полыхнула, разбрасывая искры. Должно быть, лучники сумели засечь местоположение атакующих, и разом принялись стрелять. Мне показалось, что за палатками послышался сдавленный стон. А за мгновение до этого на нашей стороне мелькнули знакомые светлые хвосты и дернулся локоть, отпуская тетиву. Комочки, которые были экскурсантами, в панике ползали по поляне: непонятно было, где безопасно. Вдруг сквозь звуки винтов и выстрелов послышался крик, и я узнал Ченга.

- Пожалуйста, остановитесь, не стреляйте! – непонятно было, к кому он обращался – к сабинянским воинам или к полицейским. – Мы иностранцы! Мы попали сюда на экскурсию! Мы ни в чем не виноваты! Вы не должны нас убивать! Дайте нам выбраться!

- Немедленно отпустите иностранных граждан! – громогласно возвестил голос из поднебесья. – В противном случае мы вынуждены будем принять жесткие меры!

- Никто его не держит! – выкрикнул голос рядом со мной. Он принадлежал Ержи. – Забирайте этого лицемера, а нас оставьте в покое!

Не знаю, услышали его или нет. Тем временем Ченг, видимо, заметил какой-то проход между скамьями, и опрометью ринулся туда. Женщина, которая была рядом с ним – должно быть, Мария – тоже подалась было за ним, но замешкалась. Ченг протиснулся в щель и выбежал за пределы круга. И вдруг вдали хрустнул одинокий выстрел. За полупрозрачной конструкцией из жердей хорошо было видно, как упала, словно подкошенная, его фигура.

- Бежим, скорее! – прохрипел Ержи. – Бежим к Стене! Там укрытие!

Мы вскочили и побежали, а следом захлопали выстрелы. Я только один раз оглянулся, но навсегда запомнил увиденное: за нами бегут, пригибаясь почти до земли, белые фигуры экскурсантов, а позади них медленно отступают лучники. Я потом много раз пытался вспомнить, кто же все-таки начал стрелять первым – наши или полиция, но так и не смог. Сабиняне пятились задом, успевая поминутно вытаскивать и выпускать в темноту стрелы. Но пули, увы, летели быстрее. Солдаты один за другим падали в траву, где совсем недавно танцевали. Тут меня объял такой ужас, что я побежал вперед, забыв обо всем. В один миг мы добежали до костров. Огонь пылал по-прежнему, и ароматно дымились котлы, приглашая вкусить свадебной трапезы, но рядом уже никого не было. Дальше висела густая тьма: почему-то прожекторы не могли пробить пространство под Стеной. Но в глубине, там, где должен был расти кустарник, я почувствовал движение. Мы бросились туда, по пути избавляясь от музыкальных инструментов, которые все еще болтались на ремнях у нас за спинами. Я дважды спотыкался, Ержи поднимал меня. Сзади слышались крики товарищей – они боялись отстать. Я

первым достиг зарослей и нырнул в них, как в воду. Ветви туго и больно захлестали меня по лицу. И хоть я не слышал впереди ни звука, необъяснимое чувство убеждало меня, что этот путь правильный. Вдруг кусты редко закончились. От неожиданности я чуть не упал, но меня подхватили чьи-то руки. Эти же руки помогли мне подняться и потянули за собой. Сделав несколько осторожных шагов в темноте, я обернулся. За спиной зияла большая бесформенная дыра, в которую, очевидно, мы и пролезли. На фоне ее разорванных краев, сквозь переплетения веток виделись блуждающие отблески прожекторов. Они шарили по кустам, пытаясь понять, куда мы исчезли. Ержи и Марк тоже были тут. У подножия дыры возился еще один силуэт – это выпутывался из веток Марино.

Откуда появился этот пролом? Был ли он здесь всегда, невидимый за кустами, или сабиняне сделали его недавно, предвидя нападение? К счастью, мне не дали об том подумать.

- Держись за меня крепче! Уходим скорее, они сейчас будут здесь! – услышал я женский голос около своего уха.

Это была Меб. Лица ее я не видел – только блеск глаз.

- Кто это они? Кто на нас напал?

Не отвечая, Меб снова поймала мою руку и решительно дернула за собой. Ламп у нас не было, а последние отсветы прожекторов остались позади. Мы погрузились во тьму, как когда-то с Ержи, когда плутали в подземельях. Пространство внутри Стены действительно оказалось тесным лабиринтом, как я и предполагал. Мы свернули вправо, затем влево, затем спустились по наклонному пандусу вниз, потом побежали прямо, потом поднялись по ступенькам вверх. Наконец, я запутался в поворотах. Впереди послышался топот ног: видимо, мы нагнали других беглецов. Шум снаружи давно исчез, и в коридорах многократным эхом отдавались лишь наши шаги. Сабиняне, как всегда, шли молча; никто, даже дети, не переговаривались.

- Куда мы идем? – все время спрашивал позади меня Ержи, но так и не дождался ответа.

Мы несколько раз спускались и поднимались, и я уже не понимал, где мы – по-прежнему ли внутри Стены, или уже глубоко под землей. Пожалуй, полицейским потребуется немало времени, чтобы найти нас... Полицейские! Я чуть было не забыл о них. Но почему они появились так внезапно? Почему никто не предупредил нас? Ответ напрашивался сам собой: потому что все население Сабинянии было стянуто в одно место. Территория опустела, и им никто не помешал. Но почему воины допустили, что враг подошел так близко? Они, такие сильные, смелые, готовые сражаться до последнего? Почему забыли о своих обязанностях? Это было немыслимо. Даже я, ничего не сведущий в военном деле, и тот наверняка сумел бы организовать оборону получше. Да ведь тут ее просто не было! Где были Треххвостый, Гор, Чит? Где были другие отряды? Впали в праздничный транс? Я вспомнил наши самозабвенные танцы, и изумился еще больше. Такое ощущение, что они специально допустили окружение! Но что это значит? Предательство?

Вдруг я с разбегу уперся в спину Меб: она внезапно остановилась. Слышалось, как шаги идущих впереди нас поднимаются вверх – видимо, там были ступеньки. Но Меб почему-то тянула меня в другую сторону, вниз.

- Почему мы не идем со всеми? – недоверчиво спросил я, упираясь на месте.

- Здесь очень узкие переходы. Нам всем вместе не поместиться, – услышал я позади себя другой голос. Мне показалась, что это была рыженькая Ру. Рядом с ней я идентифицировал шепот Ержи – она держала его за руку. – Нам нужно разделиться. Так им будет труднее нас

найти.

- А потом? Что будет потом? – тяжело дыша, спросил Ержи.

- Потом все станет, как прежде, и мы снова встретимся... – Ру сказала это, как мне показалось, без особой уверенности.

- Что происходит? Кто эти вооруженные люди? Почему они стреляют? – вмешался Марк, проталкиваясь вперед.

Похоже, он только сейчас пришел в себя и обрел дар речи.

- Они подстрелили Ченга! Я видел! – подал испуганный голос Марино.

- Да какая разница, кто они! – не выдержал я. – Полицейские, или военные, или бандиты... Они пришли захватить Сабинянию!

- Нужно добежать до компьютеров и сообщить всем! Всему миру! – вдруг вскричал Ержи.

Марк задумчиво засопел. Скорее всего, он предпочел бы убежать, нигде не задерживаясь. Лично я не знал, что предпочтительнее, но чувствовал очень хорошо: 1) что я не хочу возвращаться назад – туда, где стреляют, 2) что я не хочу отделяться от остальных. Между тем шаги уходившей колонны уже потонули в сводах коридора. Мы остались одни – несколько бесплотных голосов посреди темноты и тишины. Вдруг, словно улучив момент, когда его могли услышать, в наше пространство вторгся еще один звук. Он был далеким и тихим, но я расслышал в нем то, от чего отвык – топот ботинок и крики на английском языке. Это были звуки цивилизации.

- Они идут сюда! Они уже близко! – шепотом вскрикнул Марино.

- Побежали за всеми!

Ержи сделал движение, чтобы идти наверх. Он попытался потянуть за собой Ру, но она осталась на месте.

- Ребята, ну что же вы стоите?!

Девушки явно не хотели подниматься по ступенькам, но не могли объяснить, почему. Вдруг Меб встрепенулась, словно в голову ей пришла удачная мысль.

- Да-да, ты прав! Надо дойти до компьютеров! Идемте скорее!

Она сделала шаг по наклонному пандусу вниз. Крики вдали стали громче, но мы почему-то все медлили.

- Разве компьютеры находятся внизу? – спросил Марк.

Ему, как и мне, психологически проще было бы идти наверх. Тем более, что он, кажется, ни разу не был в подземелье.

- Да! Ты же помнишь? – Меб тронула меня за руку, ища поддержки.

Я вынужден был согласиться.

- В самом деле... Ладно, пойдёмте, не будем терять времени!

Мои слова сразу перевесили чашу весов, и сомнения отпали. Марк нащупал руку Мэб, Ру потянула за собой Марино, и они начали спускаться. Ержи, оставшись без руки Ру, попробовал было идти за ними сам, но подумал и дождался меня.

- Я смотрю, ты тут обрел способность ночного видения! А я вот так и не научился, - попытался он шутить, вцепившись в мой локоть. Но как прежде, уже не выходило.

Мы засеменяли вниз маленькими шажками. Шум преследования сначала приближался, а потом, наоборот, стал затухать. Полицейские куда-то свернули? Хорошо бы. Когда мы были уже в самом низу пандуса, я оглянулся назад. Мне показалось, что темнота за спиной стала чуть-чуть светлее. Я успокоил себя, что это не сами полицейские догнали нас, а лишь отражения их фонарей: передаваясь от стены к стене, они достигли наших зрачков в виде капли света, разбавленного чернотой. В противном случае я слышал бы шаги, а их не было.

Меб не давала толком задуматься, все время шепотом подгоняя нас. Видимо, идея с компьютерами показалась ей дельной. Вот мои подошвы застучали по земляному полу; до этого был бетон. Протянув руку, я коснулся холодной осклизлой стены. Как это знакомо! Ну наконец-то, мы в подземелье. Значит, компьютеры где-то близко.

Ержи предложил зажечь лампу.

- Мы уже достаточно оторвались, нас не увидят!

Пока мы шли, он несколько раз больно ударился о ступеньки и углы стен. Насчет ночного видения он верно сказал: у него с этим было гораздо хуже. Не то, чтобы я видел лучше; вокруг меня была та же чернота. Но я каким-то образом сумел отключить глаза, и теперь просто знал, где передо мной твердая преграда, а где - воздух. Скажу наперед, что эта способность осталась у меня до сих пор... Хотя сейчас я не об этом. Меб впереди приостановилась - за ней по очереди встали все - и сказала «ладно». Затем она медленно пошла вдоль стены, шаря ладонями по камням. Потом послышался шорох, треск и, наконец, вспыхнул огонек. Лампа! Мои глаза вновь включились. Вокруг был узкий и низкий коридор с нишей в стене. Передо мной стояла Меб с лампой в руках, рядом с ней - бледный Марк, взъерошенный Марино и грустная Ру. Увидев Ру, Ержи тут же отцепился от моего рукава и переместился к ней. Меб порылась в нише и нашла еще две лампы; одну она передала Марино, а другую Ержи. Стало совсем светло. Там, откуда мы пришли, виднелись два сходящихся коридора. Интересно, по какому из них мы шли?.. А впереди ход снова забирал вверх, превращаясь вдали в еще один крутой пандус, и исчезал за перегибом потолка.

- Опять вверх? - удивился Ержи. - Компьютеры ведь должны быть где-то здесь, внизу...

- Гм... Мы на втором подземном уровне, - неуверенно ответила Меб.

- Здесь много уровней? - встревожился Марино.

- Да. Поторопитесь! - Она опасно оглянулась назад и прислушалась. - Бегите вперед, там сразу наверху будет дверь в компьютерную комнату! Вы ее не пропустите.

Марк и Марино не стали спорить и дружно затопали по коридору.

- погоди, а ты? - Ержи сделал шаг и остановился, заметив, что Ру не идет за ним.

- Мы сейчас, за вами! Только найдем еще лампы! - Меб снова зашуршала в стенной нише.

- Да-да, иди, я скоро! - поддакнула Ру.

- Я не пойду без тебя! - заупрямился Ержи.

На лицах девушек - впервые, как мне показалось - выразилась тревога. Меб снова посмотрела в ту сторону, где сходились два рукава коридора. Они с Ру со значением переглянулись.

- Да не волнуйся ты, мы правда сейчас придем!

Это была какая-то новая, странная для сабинян интонация. Словно Ру была не жительницей Сабинянии, а пришлой экскурсанткой... Но еще страннее мне стало, когда она вдруг шагнула к Ержи и положила руки ему на плечи. Я молниеносно отвернулся, чтобы не успеть заметить то, что последовало за этим - поцелуя. Должно быть, этим поцелуем она заколдовала Ержи, потому что у него тоже сразу изменился голос - он стал тихим и послушным.

- Да, да, конечно, мы идем! - тоненько заговорил он, отступая. - Но вы только приходите скорее... Мы вас ждем!

- Мы скоро-скоро! - почти хором крикнули обе девушки.

Ержи, окрыленный, бросился вперед. В несколько прыжков он догнал подотставшего Марино. Он должен был первым выполнить приказ Ру! Я побежал за ним, хотя и не был уверен, что нам нужно это делать. Перед тем, как уйти за перегиб, я остановился и посмотрел назад. Там по-прежнему было темно; выходит, Меб не нашла лампы.

- Скорее! - слышалось мне.

В коридоре по-прежнему висела тишина. Возможно, это последнее слово я уловил как-то иначе, не ушами. Но я не осмелился послушаться и побежал дальше за световым пятном, что уносил с собой Ержи. Впереди двигался слабый свет еще двух ламп - Марка и Марино. Пандус становился все круче: появились ступени. Ержи остановился и обернул ко мне встревоженное лицо.

- Они придут? - с надеждой спросил он.

- Да, придут.

Я тоже выполнял приказ Меб; при этом я был почти уверен, что говорю неправду. Но я не мог ничего поделать: ноги сами вели меня вперед, а уста не могли выдать ничего, кроме...

- Поторопись, - сказал я не своим голосом и подтолкнул Ержи под локоть.

Он покорно кивнул и зашагал по ступеням так быстро, словно Ру ждала его наверху. Марк и Марино отставали, и скоро мы опять нагнали их. Коридор превратился в почти вертикальную шахту. Идти было все тяжелей.

- Да есть ли там что-то? По-моему, мы сейчас на поверхность выберемся! - не выдержал Марк.

Огонек в моей лампе дрогнул. Кожей я ощутил дуновение свежего воздуха.

- Что это?

- Там точно выход!

Марк полез резвее. Мысль о том, что из подземелья можно выбраться, вдохновила его больше, чем поиски таинственных компьютеров. Но Ержи помнил о них, и потому беспрестанно спрашивал:

- Ты ее видишь? Дверь в комнату?

Марк перестал отвечать. Вскоре они вместе с Марино пропали из виду, перевалившись за внезапно возникший перегиб. А нам с Ержи в лицо подул уже настоящий ветер. Он потушил лампу, но она уже была не нужна: чернота подземелья впереди переходила в другую тьму, живую и полную запахов – в обычную земную ночь. Мы добрались до выхода!

- Погоди, как же так? Они же сказали, там должна быть дверь! – Ержи озадаченно сел на месте, заткнув собой проход. – А тут уже поверхность. Может, вернемся? Вдруг мы ее не заметили?

- Пропусти меня. Иди вперед.

- Нет, я не могу! Они же там остались...

- Вставай!!

Я не узнал своего голоса. Не узнал и рук, которые, несмотря на тесноту, подхватили Ержи и сильно толкнули его вперед, освобождая проход. Должно быть, это было неспроста, ибо в следующую минуту моя спина почувствовала жгучий жар. Завопив от страха, я выпихнул Ержи на поверхность и сам покатился по склону – о да, мы оказались на склоне! – вслед за ним. А за моей спиной, в глубине подземелья, что-то глухо обрушилось. Тотчас из отверстия со свистом вылетел сноп горячего воздуха. Мне показалось, что у основания его был язык пламени. В ту же минуту вокруг нас раздался страшный грохот, будто вся земля внезапно пожелала провалиться в преисподнюю. Мы закричали от страха, прижавшись друг к другу. Однако мир не провалился: схлопнулся только тот лаз, из которого мы только что выбрались. Вниз полетели камни и комья земли. Мы вскочили и побежали прочь. У Марино с Марком, которые выбрались первыми, еще горели лампы; но они не смогли удержать их в руках, лампы упали и погасли. И вдруг в сотне метров от нас темноту взорвал гигантский огненный купол. От грохота мне заложило уши – в первую секунду я не слышал даже своего голоса. Затем разом прорвалось все – и взрыв, и крики: «бежим, бежим!». Купол продолжал расширяться, распускаясь, как цветок, несущий на концах своих лепестков огромные обломки. Не понимаю, как мы успели отпрыгнуть, но через мгновение там, где мы только что сидели, рухнула глыба размером с человека. Теперь уже мы не говорили ни слова, а лишь бежали, ведомые инстинктом – прочь, прочь! Через какое-то время обломки перестали падать, и я оглянулся назад. Купола уже не было; огонь растянулся ровной полосой над лесом. Я догадался, что это горит Стена. Словно жидкость, пламя стремительно заполняло собой ее внутренности. Там, где постройка сопротивлялась, возникали взрывы, но не такие большие, как первый. Напоследок ее силуэт высветился в ночи со всеми подробностями, включая форму бойниц. Но это была уже иллюзия: твердь заместилась огнем. Через несколько секунд хребет крыши стал проседать, и вскоре Стена превратилась в бесформенный горящий вал.

Мы отбежали достаточно далеко и теперь молча стояли, не силах оторваться от страшного зрелища. Вдали, среди пламени в воздухе носилась стайка прожекторов: это были вертолеты, захваченные огнем в плен. Отсюда они казались крошечными светлячками, неведь зачем прилетевшими на пожар. Их жалкие сирены тонули в раскатах взрывов. Не прошло и получаса,

как огонь обозначил весь периметр сабинянской границы; очень далеко, за лесами, вспыхнула тоненькой линией восточная часть. Теперь стало ясно, что мы выбрались с внешней стороны Стены. Кровавое зарево исторгалось в небо, окрасив его опоздавшим закатом. Кажется, даже море порозовело.

Ержи пришел в себя первым.

- Они там, скорее! Надо вернуться! - закричал он и бросился в сторону пожара.

Навстречу ему хлынула волна горячего воздуха.

- Назад! Огонь идет сюда!

Мне удалось догнать и схватить его. Он упирался; к счастью, Марк помог мне. Вдвоем мы почти поволокли Ержи по земле. Он вырывался и кричал, что Ру погибнет. Лишь тогда, когда нас опалило потоком искр, он опомнился и побежал за нами сам. Пожар быстро прыгал по ветвям деревьев. Иссушенные, они почти не сопротивлялись и тотчас превращались в пылающие костры. Лес заволкло дымом. Стало трудно бежать: не хватало воздуха. Мы жадно открывали рты, но вместо спасительного кислорода горло забивало ядовитой горечью. Первым упал Марк. Он попытался спрятаться от дыма в траве, но подняться уже не смог. Мы с Ержи подняли его; он терял сознание. Повесив его руки себе на плечи, мы зашагали так быстро, как могли. Его ноги безжизненно волочились по земле. Случайно я наступил на что-то мягкое - оказалось, это был упавший Марино. Двоих мы не смогли бы тащить, и я силой пнул его ногой. К счастью, это подействовало. Он встал, кряхтя и откашливаясь, и поплелся вперед. Но огонь настигал нас. Стало очень жарко. Горели ветви метрах в пятидесяти, а мне казалось, что языки пламени вот-вот оближут мою кожу и превратят ее в такой же черный обугленный скелет, что и деревья. Внезапно рядом послышались крики. Замелькали фонари. Сквозь дым я увидел силуэты людей. Они кричали что-то по-английски и бежали туда же, куда и мы. Кто-то - похоже, женщина - упала, и двое других пытались поднять ее. Потом я перестал обращать на них внимание, потому что упал сам. Лицо мое зарылось в траву. Там было немного больше воздуха, и я решил больше не вставать. Дым превратился в туман, который заволакивал мое сознание. Сквозь него я слышал крики Ержи. Откуда-то издалека он уговаривал меня подняться. А потом все перекрылось шумом вертолетных винтов. И вдруг пошел дождь.

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1814068>